

Святой Хосемария Эскрива во время Гражданской Войны в Испании (1936-1939)

Гражданская война заливала кровью землю Испании в течение 3 лет. Она вошла в историю как время жестоких гонений на Церковь. Только 25 июня 1936 года, в праздник святого апостола Иакова — покровителя Испании, были убиты 95 священнослужителей. А в августе того же года, когда антиклерикальная кампания охватила многие города и села, были убиты 2077 священников, монахов и монахинь. В среднем совершалось по 70 убийств в день. Летом 1936 года в Барбастро, родном городе Хосемарии, были убиты 837 верующих, из них 1 епископ, 115 священников, 51 миссионер-кларетинец (9 священников, 5 монашествующих и 37 семинаристов). Убивали и мирян, мужчин и женщин, только за то, что они были верующими.

МАДРИД

К 1936 году все начинания Эскрива постепенно обрели зримые очертания. В Академии DYU было достаточно учеников, а общежитие было абсолютно полным. С 10 по 13 апреля основатель Opus Dei провел в Академии самый первый курс духовного уединения. Уже строились планы создания подобных центров в Валенсии, затем — в Париже. К отцу Хосемарии приходили все новые призванные. Но вскоре разразились кровавые события лета 1936 года, послужившие толчком к началу ужасной гражданской войны.

Эта братоубийственная война заливала кровью землю Испании в течение 3 лет. Она вошла в историю как время жестоких гонений на Церковь. Только 25 июня 1936 года, в праздник святого апостола Иакова — покровителя Испании, были убиты 95 священнослужителей. А в августе того же года, когда антиклерикальная кампания охватила многие города и села, были убиты 2077 священников, монахов и монахинь. В среднем совершалось по 70 убийств в день. Летом 1936 года в Барбастро, родном городе Хосемарии, были убиты 837 верующих, из них 1 епископ, 115 священников, 51 миссионер-кларетинец (9 священников, 5 монашествующих и 37 семинаристов). Убивали и мирян, мужчин и женщин, только за то, что они были верующими.

Двадцатого июня Эскрива вынужден был спешно покинуть общежитие на улице Феррас, близ которой развернулись первые столкновения. Сначала он переехал в дом своей матери, но и это не было надежным местом. Ему пришлось укрыться в доме друга. Затем начались мучительные скитания из одного убежища в другое. Он прятался на квартирах многих своих друзей, для которых это было крайне опасно. В то время дать приют священнику означало подписать собственный смертный приговор.

Хосемария не мог свободно ходить по улицам: любая проверка могла стать роковой. Он не имел ни документов, ни денег для того, чтобы бежать. Почти невозможно было что-то узнать о других членах Opus Dei. Отовсюду доходили слухи о незаконных арестах, обысках, пытках и расстрелах.

Эскрива особенно страдал от того, что не мог совершать Святую Жертву. Он читал на память литургические молитвы, благоговейно опуская формулу освящения Святых Даров и совершая духовное Причастие.

В результате случайного совпадения он встретился в одном временном убежище с Альваро дель Портильо, молодым инженером (ему было 22 года), который присоединился к Opus Dei годом раньше. В эти дни исполнялась очередная годовщина основания Дела. **Альваро, сын мой, — сказал ему Хосемария, — завтра — 2 октября: какую радость уготовил нам Господь?**

В этот день брат Альваро дель Портильо, Пепе, сообщил находящимся в укрытии, что ополченцы, возможно, будут инспектировать дом. Только что они убили многих родственников хозяина и охотятся на оставшихся в живых.

Св. Хосемария вдруг почувствовал, что силы оставили его. Сохраняя мужество и решительность при всех пережитых опасностях, он на сей раз содрогался от страха смерти. Страх этот вскоре прошел; и он понял, что Бог оставил его лишь на несколько мгновений, чтобы он с полной ясностью убедился в том, что вся его сила — от Бога. Именно это сознание, как объяснял он впоследствии, и было той «радостью», которую даровал ему в этот день Господь.

«Отец, — вспоминал Альваро дель Портильо, — сказал Хуану Хименесу Варгасу, чтобы тот искал для них другое убежище. Моему брату Пепе и мне, не знаящим, что делать, он посоветовал остаться еще на сутки и дожидаться результатов этих хлопот. После нескольких телефонных звонков он связался с Хосе Марией Гонсалесом Барредо, который сказал, что знает другое убежище. Отец ушел, чтобы с ним встретиться. Позже, обманув бдительность Генеральной дирекции безопасности, он вернулся в домик на улице Серрано. Поздоровался со мной и заплакал.

– Отец, почему вы плачете? — спросил я...

– Убили дона Лино.

Бродя по Мадриду, он узнал об убийстве своего друга, священника Лино Веа-Мургия. А еще — о новых подробностях мученичества дона Педро Поведа, основателя терезианского ордена, который также был его другом.

Потом отец объяснил мне, почему вернулся. Хосе Мария Гонсалес Барредо встретил его в условленном месте, поприветствовал с сыновьей любовью, а потом, вытащив из кармана маленький ключик и адрес, сказал: «Идите в такой-то дом, войдите и оставайтесь там. Он принадлежит одной знакомой мне семье, которой сейчас нет в Мадриде. Швейцар — надежный человек».

– Но как же я смогу находиться в чужом доме? А если кто-нибудь придет или позвонит? Что я скажу?

– Не беспокойтесь, — простодушно ответил Хосе Мария, — там есть прислуга, женщина, также вполне надежная. Она вам поможет.

– И сколько ей лет?

– Ну, примерно 22–23...

Тогда отец подумал: «Не могу и не хочу быть запертым день и ночь с молодой женщиной. У меня обязательство перед Богом. Уж лучше умереть, чем оскорбить Бога, нарушив обязательство Любви». И приблизившись к решетке коллектора, бросил в нее ключ».

Из-за все более ухудшающейся ситуации в октябре 1936 года у него не было другого выхода, как укрыться в психиатрической клинике друга их семьи. Ирония судьбы: как часто его называли безумцем за его рискованные апостольские начинания, а сейчас он сам должен был притворяться сумасшедшим!

В поисках более надежного убежища в марте 1937 года Эскрива укрылся в дипломатической миссии Гондураса. Там в течение многих месяцев находились он сам, его брат Сантьяго, Альваро дель Портильо и ряд членов *Opus Dei*. Находясь в фактической изоляции, Эскрива получал большое утешение в том, что мог каждый день совершать Святую Жертву, получив специальное разрешение, которое Церковь давала священникам, находящимся в подобных обстоятельствах. Он использовал в качестве потира позолоченную чашку, которую ему одолжила дочь консула, а в качестве дискаса — хрустальную тарелку.

Это было время горячей молитвы и покаяния; время душевных страданий и духовного возмужания, о котором основатель Дела Божия размышлял позднее в «Пути»: **Из-за общественных невзгод ты заперся и тебе хуже, чем в темнице. У тебя — затмение**

личности. Тебе негде трудиться — повсюду эгоизм, любопытство, глупость, пересуды. — Ну и что? Разве ты забыл, что воля твоя совершенно свободна? Разве забыл, что «дети» могут многое? — Пусть нет ни листьев, ни цветов (то есть жизни внешней), но корни разветвляются и действуют (это — внутренняя жизнь). Работай, все переменится — и ты принесешь еще больше плодов, и будут они еще слаще.

В конце августа 1937 года Хосемария смог выйти из представительства Гондураса с документами, которые ему помог получить консул. Эти документы позволяли ему более или менее свободно передвигаться по улицам Мадрида. Церкви были закрыты, многие — совершенно разрушены, изображения святых в них осквернены либо уничтожены. Ему приходилось слушать исповеди во время прогулки, крестить тайком, проводить курс духовного уединения, постоянно меняя места, чтобы не возбуждать подозрений. Кроме того, он ухаживал за группой монахинь, страдавших от гонений.

В этих обстоятельствах, полных опасностей и неуверенности, он всегда хранил при себе Причастие (Господа пресуществленного) в папироснице, завернутой в чехол со знаком консульства Гондураса. **Много раз**, — рассказывал он позднее, — **я спал, не снимая одежды, держа на себе Святые Дары, обнимая Господа.**

Его письмо духовным детям, находящимся в Валенсии, написанное 18 сентября 1937 года, может дать точное представление о состоянии его духа. Обходя цензуру, он использовал шифр, понятный адресатам. «Дед» или «мой брат Хосемария» — это он сам. «Дон Мануэль» — это Господь.

Детки! Деду очень хочется вас обнять, но все комбинации срываются. Значит, так тому и быть. Но все же не теряю надежды, что мои желания скоро исполнятся. В общем... Дон Мануэль знает больше.

Запоздалая новость: мне неоднократно говорили (мне лично), что моего брата Хосемарию нашли повешенным на дереве в Монклоа. По другой версии — на улице Феррас (антирелигиозные банды искали отца Хосемарию с лютой ненавистью и по ошибке убили человека, внешне похожего на него). Даже кто-то опознал труп. По третьей версии его расстреляли.

Представьте себе лицо деда при эдаких новостях. Поистине, следовало бы пожелать такому сумасшедшему, как мой брат, подобного конца и погребения в общей могиле. Нет! Смерть в шикарном палате дорогой больницы... смерть — обывательская, без шума, без комедии, — лучше всего подходит к его жизни, его Делу и его пути. Умереть так, но из великой Любви — О, Дон Мануэль!

Всю свою жизнь во время Литургии Эскрива молился за человека, убитого вместо него.

РОЗА В НОЧИ

Когда обстановка в Мадриде стала невыносимой (массовые аресты, расстрелы, поджоги церквей и монастырей, настоящая охота на верующих) и было уже невозможно выполнять обязанности священника, отец Хосемария решил пересечь границу в Пиренеях и через Андорру пробраться в свободную зону Испании. Это было очень рискованно, но он, в конце концов, все-таки решился на этот переход.

«Донья Долорес, — вспоминает Альваро дель Портильо, — оставалась в Мадриде с двумя детьми и берегла, рискуя жизнью, архив и все документы Opus Dei. Она прятала их в матрасе. Когда приходили с обыском, она ложилась в постель, делая вид, будто плохо себя чувствует (что, в сущности, было правдой). Так ей удалось спасти эти бумаги, среди которых были настоящие сокровища — например, записи отца о внутреннем опыте, о благодати, полученной от Бога, о первых проектах развития Opus Dei и многие другие ценные тексты».

«Сначала он добрался до Барселоны, — продолжает свой рассказ дон Альваро дель Портильо. — Читая местную газету, он узнал, что Паскуаль Гальбе, его приятель по Сарагосскому университету, является членом Верховного суда в Барселоне. В свое время они были большими друзьями, но в сложившихся обстоятельствах трудно было предсказать возможную реакцию Паскуаля. Поэтому отец передал ему, что находится в Барселоне и хотел бы его повидать. Тот ответил: “В суде нельзя. Пусть лучше приходит ко мне домой обедать”.

Когда они встретились, Паскуаль обнял его, взволнованный: “Ты не представляешь, как я переживал — думал, что тебя уже нет в живых”. Пытаясь уберечь отца от опасного перехода через Пиренеи, Паскуаль предложил ему работу в барселонском Верховном суде. Он имел там большое влияние, а кроме того, суды крайне нуждались в дипломированных юристах. Но отец не согласился, объяснив свой отказ следующим образом: **Если в те времена, когда никто не преследовал духовенство и Церковь, я не занимался своей мирской профессией, полностью посвящая себя священству, то могу ли я теперь прибегнуть к этой лазейке, чтобы выжить, служа властям, которые преследуют мою Мать, Святую Церковь?** Паскуаль пытался его переубедить: “Если тебя задержат, то, скорее всего, убьют!” Отец возразил: **Это не важно. Я должен совершать свое служение — и мне не важно, убьют ли меня».**

После многочисленных перипетий, 19 ноября 1937 года, Эскрива начал трудный и опасный путь через горы. В этой экспедиции участвовала небольшая группа беглецов под руководством проводника.

Перед началом подъема они ночевали в полуразрушенной пекарне. Основатель Opus Dei не спал всю ночь и чувствовал себя так плохо, что наутро он даже решил не совершать Святую Жертву. Он вышел из помещения пекарни и спустился к разрушенному ополченцами зданию церкви. Вернулся он необычно веселым, держа в руке украшение в виде розы из позолоченного дерева. Было видно, что эта роза, являвшаяся когда-то фрагментом золоченого алтаря, имела для него глубокое духовное значение. Он воспринял ее как знамение, подтверждающее правильность выбранного им пути. До этого его мучили сомнения в том, что он правильно поступил, покинув Мадрид. Ведь некоторые из его детей находились в различных убежищах, другие — в тюрьмах. Поэтому он всю ночь молил Господа дать ему знамение, подтверждающее правильность его выбора. Роза и была этим знамением, этим сотворенным Богом чудом.

Это была роза из золоченого дерева, — вспоминал он годы спустя, — не имеющая никакой материальной ценности. Там, около каталонских Пиренеев, я впервые взял ее в руки. Это был подарок Пречистой Девы.

Тогда это оказало ему огромную поддержку, хотя он никогда не был сторонником чудес. **Не забывайте, дети мои, — настойчиво повторял он, — что сверхъестественное для нас — в обычном.**

Спустя несколько дней сделали короткий привал. А 27 ноября начались ночные переходы по направлению к границе. Беглецам пришлось пережить пять страшных ночей, во время которых они должны были преодолеть многочисленные ущелья и теснины, совершить тяжкий изнурительный путь.

Воскресным утром 28 ноября в ущелье де ля Рибера отец Хосемария совершил Святую Жертву над большим камнем у стены, защищавшей молящихся от ветра. Присутствующие, более 20 человек, в абсолютном молчании и глубоко потрясенные отстояли службу. Некоторые причастились. «На скале, коленапреклоненный, — записал в своем дневнике один из участников перехода, — почти распростертый на земле, священник, идущий с нами, совершает Евхаристию. Он служит не так, как другие в церкви. Его ясные и полные смысла слова западают в душу. Я не помню ни одной Мессы, подобной сегодняшней: не знаю, либо в силу обстоятельств, либо потому что священник — святой».

После ряда опасных приключений, подвергаясь постоянному риску быть пойманными и

расстрелянными, беглецы, наконец, 2 декабря 1937 года достигли Андорры. Прежде всего они пошли в церковь: первую действующую и неоскверненную с начала войны. Затем, в столице этого маленького Королевства Андорра ла Велья, Эскрива впервые с начала войны смог совершать Святую Жертву в священническом облачении.

Причастившись, беглецы немного прошлись по городу. Какое забытое, какое освежающее чувство свободы ощутили они, дойдя до конца улицы без страхов, опасений и неуверенности!

Бургос

Из Андорры Хосемария поехал в Лурд, чтобы поблагодарить Богородицу за счастливое завершение перехода. Он отслужил Мессу в подземной часовне базилики Святого Розария и затем очень долго молился перед Гротом. Затем он отправился в Памплону. Некоторые из его духовных детей, бежавших вместе с ним, поступили на военную службу.

Основатель Дела посвятил несколько дней пребывания в наваррской столице интенсивным духовным упражнениям, несмотря на то что был истощен и изнурен страданиями, которые пережил в Мадриде (он потерял почти 40 кг) и несмотря на усталость, накопившуюся во время перехода через Пиренеи. Он удвоил молитвенное рвение и умерщвление плоти, приняв решение спать очень мало и раз в неделю проводить целую ночь в молитве. Затем он переехал в Бургос, где среди военнослужащих было несколько членов Дела.

Бургос был превращен франкистами в штаб военных действий. Город буквально затопило людское половодье: солдаты, беженцы, гражданские лица, ищущие убежища. Все это нарушало покой некогда тихого провинциального города, и без того постоянно содрогавшегося от марширующих войск и рева танков.

Отец Хосемария не без труда снял комнату в скромном отеле этого в то время крайне перенаселенного маленького кастильского городка. Вместе с ним в двадцативосьмиметровой комнате жили еще три члена *Opus Dei*: Хосе Мария Альбареда, Педро Касьяро и Франсиско Ботелья. В комнате размещалось четыре никелированные кровати со скрипучими матрацами, шкаф, стол и пара стульев. Застекленный балкон, где стояли два кресла и плетеный столик, обитатели номера в шутку называли «залой для визитов». На этом балконе Эскрива часто принимал гостей.

Любовь к Богу давала отцу Хосемарии силы для преодоления усталости. Он посвятил месяцы пребывания в Бургосе не отдыху и восстановлению сил, а непрерывной изнурительной работе. Он заботился только о том, чтобы выполнить миссию, которая была ему поручена Богом, в то время и при тех обстоятельствах, в которых он жил.

И как же он мог отдыхать, когда он должен был возобновить свое апостольское служение, а все студенты, духовным руководством которых он занимался, были разбросаны по разным фронтам войны?

В эти месяцы он удвоил молитву и умерщвление плоти: он очень часто не ел, не пил, не спал, посвящая эти жертвы Миру, Церкви и Делу. Лишь немногие члены *Opus Dei* могли посещать основателя в Бургосе. С остальными он поддерживал контакты через переписку. Он постоянно переезжал с места на место с апостольской миссией, окормлял солдат на фронтах войны.

Вспоминая это время, Эскрива пишет: **Я не знаю, был ли ты на войне. Много лет назад я оказался на поле боя уже после того, как сражение окончилось. Там повсюду валялись плащи, походные фляги, вещевые мешки, а в них — дорогие чьим-то сердцам предметы, память о доме: письма, фотографии любимых и близких... Все эти**

вещи принадлежали не побежденным, но победившим! В бою они стали грузом, который мешал атакующим бежать вперед, преодолевая препятствия. Они бросили свои вещи — так же, как и Вартимей, готовый бежать вслед за Христом.

Для достижения Христа нужна жертва. Необходимо отбросить то, что обременяет — плащ, флягу, вещевой мешок. Так же следует поступать и в битве за расширение границ Царства Божия, во имя славы Божией, во имя любви и мира. Для того чтобы служить Церкви, Папе и людям, ты должен быть готов к отказу от многого — от плаща, согревающего в холодные ночи, от любимых семейных реликвий, от освежающего глотка воды. В этом — урок веры, урок любви. Именно так надо любить Христа!

В этот период жизни отец Хосемария посвящал много времени подготовке к печати «Пути», книги, являющейся расширенным изданием «Духовных размышлений», выпущенных в свет в 1934 году.

«В 1938 году, — вспоминает Альваро дель Портильо, — высокопоставленный представитель государственной власти в Бургосе пригрозил клеветническим доносом члену *Opus Dei* Педро Касьяро, отец которого сотрудничал с республиканским правительством. На основании этого факта чиновник намеревался обвинить отца Педро в том, что он является коммунистом, масоном и несет ответственность за массовые убийства правых в Альбасете. Он также утверждал, что сам Педро тоже коммунист, что он пропагандировал левую идеологию в Альбасете во время избирательной кампании февраля 1936 года, когда победил Народный фронт. Из всего вышесказанного следовал вывод, что Педро заслан в “национальную зону”, чтобы шпионить в армии Франко, а конкретнее — в ставке генерала Оргаса.

Обвинение, только выглядевшее правдивым, в сущности, было ложным. В те тревожные годы, когда военные процессы проводились наскоро, без необходимых гарантий справедливости, подобный донос был очень опасным: Педро мог поплатиться жизнью.

Надеясь удержать обвинителя от столь тяжелой несправедливости, св. Хосемария посетил его в сопровождении профессора Хосе Марии Альбаредра. Разговор был очень тяжелым. Высокопоставленный чиновник вел себя холодно и высокомерно. Наш основатель защищал Педро с полнейшим спокойствием и с отеческой любовью, на какую только был способен. Вначале мягко, а затем настойчиво он пытался втолковать своему собеседнику, сколь это несправедливо — одним ударом отнять у матери Педро и мужа, и сына. И даже предложил ему представить на ее месте свою собственную жену...

На это чиновник возразил, что поскольку невозможно поймать и наказать отца, то за него должен расплатиться сын — даже если он невиновен. И добавил, что многие невинные погибли на фронте и в тюрьмах “красной зоны”. С силой, поразившей Хосе Марию Альбаредра, отец стал объяснять ему, что подобная позиция недопустима для христианина, который знает, что должен будет отвечать перед Богом за свои дела. Он сказал, что не хотел бы оказаться перед Божиим Судом с такой несправедливой злобой в душе, как у его собеседника. Он просил его подумать о том, что Господь уже сегодня может призвать его к ответу, или даже наказать его смертью его собственных детей. Но ни просьбы, исполненные милосердия, ни суровые обличения отца не могли смягчить сердце этого несчастного, который продолжал упорно твердить: “Либо отец, либо сын должен заплатить за все!”

Молчаливым и погрузившимся вышел отец из его кабинета. Хосе Мария Альбаредра был поражен и той страстью, с которой он защищал Педро, и той неистребимой жесткостью и бесконечной злобой, которые проявил его собеседник. Основатель спускался по лестнице, потупив взор, и словно размышляя вслух, произнес: “Завтра или послезавтра похороны”.

В тот же день после обеда основатель вышел из дома по делам с другим своим сыном и, рассказав ему по дороге о своем неудачном визите, с болью в голосе повторил: “Завтра или послезавтра похороны”. Чуть позже его спутник резко остановился и побледнел: он увидел

сообщения о смерти того чиновника, по местной традиции развешенные в витринах магазинов и на стенах домов. Отец прочитал заупокойную молитву и сказал, что неправильно понял прозвучавшие в его душе слова: “Завтра или послезавтра похороны”. Он решил, что умрет сын того человека, ровесник Педро, бывший в ту пору на фронте.

Новость так потрясла бедного Педро, что он заболел и слег. Отец постарался его успокоить и призвал возблагодарить Бога, как за собственное спасение, так и за спасение его отца. Он сказал, что не беспокоится за судьбу того человека, так как убежден, что, несмотря на тяжесть проступка, Господь пощадил его, предоставив милость предсмертного покаяния. Отец Хосемария признался ему, что, выйдя из кабинета, не переставал молиться за чиновника и его детей».

28 марта 1939 года, после разрешения конфликта, Эскрива вернулся в Мадрид.